

Николай Добролюбов

Школа

Николай Александрович Добролюбов

Школа

«...Странно, право, как это у нас совмещается одно с другим: учителей множество бесчисленное, а учиться все-таки не у кого... Мы долго недоумевали, отчего это происходит, и наконец пришли вот к какому печальному заключению. Учителя наши обыкновенно проповедуют то, что нам или вовсе не нужно, или давно известно; а что нам нужно и неизвестно, того они и сами хорошенько не знают и даже не считают нужным знать. Мудрено ли, что при таких порядках толпы наставников не находят учеников, а толпы учеников не знают, к кому обратиться за дельным и истинно полезным наставлением...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Школа**

*Издание для юношества. Выпуск I.
СПб., 1858*

Вот и еще издание с претензией поучать Юношество. Сколько у нас учителей-то развелось! А всё жалуется на то, что не у кого учиться... Странно, право, как это у нас совмещается одно с другим: учителей множество бесчисленное, а учиться все-таки не у кого... Мы долго недоумевали, отчего это происходит, и наконец пришли вот к какому печальному заключению. Учителя наши обыкновенно проповедают то, что нам или вовсе не нужно, или давно известно; а что нам нужно и неизвестно, того они и сами хорошенько не знают и даже не считают нужным знать. Мудрено ли, что при таких порядках толпы наставников не находят учеников, а толпы учеников не знают, к кому обратиться за дельным и истинно полезным наставлением... Ну вот хоть бы, например, выходит книжка под названием: «Школа». Издала эту «Школу» какая-то *Наставница детей*. На обертке книжки напечатано, что она назначается для учеников от 10 до 12 лет, но что потом она *возрастет и созреет*, по мере возрастания и созревания ее читателей, и что цель ее состоит в том, чтобы «раскрыть читателям в полном,

по возможности, виде учение религии и пользу наук с их практической стороны». Для достижения этой цели «статьи «Школы» будут читаны вслух одним из учеников под руководством наставника или самим наставником». Прекрасно. Посмотрим же, какого рода статьи вошли в первый выпуск «Школы», назначенный для десяти- и двенадцатилетних читателей.

Начинается с «Нескольких слов к ученикам моим». В нескольких словах этих объясняется, что всякий человек рождается затем, чтобы выполнить *известную* обязанность, возложенную на него самим богом, что обязанность эта называется *призванием* человека, что в школу поступают затем, чтобы «угадать свое призвание», и что помощью при этом могут служить книжки, издаваемые г-жою *Наставницею* под именем «Школы». Надемся, что никто не упрекнет это предисловие в излишней логичности и ясности, особенно для десятилетних читателей. Но все-таки в нем выражается взгляд *Наставницы*, довольно оригинальный, и потому мы позволим себе несколько остановиться на ее пре-

дисловию.

По мнению г-жи Наставницы, каждый человек от самого рождения назначается к тому, чтобы выполнить известную какую-нибудь обязанность, «и обязанность эта не одна и та же для всех людей». Иначе сказать – один человек от рождения призван к тому, чтобы быть лекарем, другой к тому, чтобы управлять министерством, третий к тому, чтобы шить сапоги. В школу детей отдают собственно затем, чтобы они угадали там, министрами, солдатами или портными родились они. Чтобы угадать это, нужно долго трудиться, но «наконец вы угадаете свое призвание, – говорит *Наставница* своим ученикам, – и тогда вам остается просить у бога сил к выполнению этого призвания». Не правда ли, отрадно прочесть такое предисловие, встретить такой взгляд после всех толков о значении общего и специального образования, которые так шумно раздавались в нашей литературе в последние два года? Кажется, кто не повторял известного эпиграфа известной статьи Пирогова, гласящей, что прежде нужно образовывать людей, а потом уже солдат, портных, мини-

стров и так далее.{1} Кто не толковал о том, как вредит ранняя специальность естественному, всестороннему развитию человека. Но, верно, все эти толки у нас, как говорится в русских сказках, по усам текли, а в рот не попали. Мы толковали о разумных преобразованиях, как будто и путные люди, а, в сущности, оказалось, что мы и не думали отставать от рутины старинных предрассудков. Видно, старая, бессмысленная привычка сильнее всех убеждений ума; индийские и вообще азиатские замашки сильно выказываются в наших руководителях и наставниках, будет ли то г. Орест Миллер или г-жа издательница «Школы». Г-н Орест Миллер восхваляет самоотверженное погружение своей личности в лоно Браммы,{2} а г-жа *Наставница* намеревается восстановить учение о кастах. Частные обязанности каждого человека определяются, видите ли, не обстоятельствами, а самым рождением, и главная задача человека состоит в том, чтобы *угадать*, к чему он *призван* по своему рождению... Другими словами: кто в чем родился, в том и пребывай, знай сверчок свой шесток... Недурно для индийского брамина,

хотя для парии и не совсем-то весело. К чему он, бедняк, должен прийти, отправляясь от той мысли, что само рождение уже определило его частные обязанности? Прежде всего он должен тут признать, что уже в его руках нет свободы располагать своей участью, что это уж дело судьбы, заранее определившей призвание человека, которому остается только *угадать* ее определение. Но как же угадать? Очень естественно – по некоторым признакам, указанным самою судьбою в том состоянии, в котором человек родился. Следовательно, если пария родился париею, то с какой же стати вообразит он, что судьба готовила ему звание брамина? Нет никакого основания признавать судьбу столь глупою, если уж признать однажды ее влияние на человека. И вот – смиренный, всеми отверженный пария поневоле должен успокоиться на том, что уже по самому своему рождению он обречен на нищету и презрение... Брамин должен быть этим очень доволен, потому что посредством таких премудрых убеждений сохраняется порядок в обществе, то есть права каст остаются незыблемы и ненарушимы. Но едва

ли подобные рассуждения могут быть очень благотворны для нашего общества, в котором являлись Ломоносовы, Меньшиковы, Никоны и т. п. Сомнительно, чтоб крестьянский мальчик поступил безрассудно и преступно, изменивши тому призванию, которое определялось его рождением, и сделавшись русским патриархом. Может быть, читатели, желая взять сторону *Наставницы*, заметят, что именно патриаршество и было тем призванием, которое следовало угадать Никону, равно как государственное поприще было призванием Меньшикова и т. д. Но такое замечание будет совершенно несообразно с тем взглядом, какой высказан в предисловии *Наставницы*. Она именно говорит, что *призвание* человека есть не что иное, как *обязанность*, на него наложенная; а ведь никто, конечно, не скажет, что Никон был *обязан* быть патриархом или Ломоносов – академиком. Кроме того, *обязанность* эта, по мнению *Наставницы*, дается человеку не им самим, а другими, да еще прежде его рождения; так ведь не думает же *Наставница*, что Меньшиков еще до рождения был уже государственным человеком.

При всем своем пристрастии к разделению человечества на касты, она согласится, вероятно, что Меньшиков родился, не имея ни малейшего понятия об управлении государством, так же как Никон явился на свет незнакомый с церковными установлениями, и Ломоносов – не умея читать и писать. Значит, весь вопрос теперь в том, мог ли Ломоносов, Меньшиков и пр. стремиться к тому, что не составляло прямой его обязанности, определенной его рождением, имел ли право пользоваться обстоятельствами всякого рода, расширявшими круг его деятельности, или нет? Если мы спросим об этом г-жу *Наставницу*, то она, чтобы не изменить взгляду, высказанному ею в предисловии к «Школе», должна, конечно, ответить: нет. Иначе она жестоко скомпрометирует принимаемые ею начала о врожденном призвании человека к частной деятельности всякого рода и вступит в безвыходный круг забавнейших противоречий. В самом деле, если судьба еще до моего рождения *призвала меня к обязанности* управлять государственными делами, то для чего она до двадцати лет оставляла меня ша-

таться по улицам, продавая пироги? Если самым моим рождением судьба хотела *обязать* меня быть профессором и академиком, зачем она дала мне родиться в архангельской деревушке, в крестьянском семействе, где я до двадцати лет едва мог читать выучиться? Подобные вопросы хоть кого поставят в тупик, и мы сомневаемся, чтобы г-жа *Наставница* сумела удовлетворительно на них ответить. Их можно разрешить только с индийской точки зрения, которую едва ли согласятся принять читающие люди русского православного царства, хотя она и не чужда, кажется, г-же *Наставнице* и имеет стороны, весьма успокоительные для людей – богатых и почетных. С этой точки зрения – все, что есть на свете, имеет тайную, заранее определенную цель – не в себе, а вне себя. Дождь идет для того, чтобы трава на земле росла; трава растет затем, чтобы скот мог пастись; скот существует, чтобы человек мог есть его; человек ест для того, чтобы иметь возможность отправлять ту обязанность, к которой призван своим рождением. В человеке и во всяком существе одушевленном *цель*, как видите, составляет вместе и

обязанность. Таким образом, собака лает, чтобы воры на двор не вошли, и эта *цель* есть вместе *обязанность* собаки – стеречь дом от воров. Лошадь имеет четыре ноги для того, чтобы облегчать человеку скорейшее переправление с места на место; другими словами – четвероножность лошади есть не что иное, как *обязанность* ее – возить на себе человека и его пожитки. Так точно и сам человек, во всяком положении и звании, имеет особые, внешние обязанности, составляющие *цель* его жизни и деятельности. Таким образом, богачи существуют затем, чтобы помогать бедным, нищие же – для того, чтобы богачи имели на ком выказать свое великодушие и доброту сердца; преступники необходимы в мире затем, чтобы законы могли их наказывать; больные затем, чтобы лекарям было кого лечить, и т. д. Взгляд чрезвычайно успокоительный, именно в том отношении, что, на основании его, все оказывается необыкновенно ловко и мило поставленным на своем месте, все принимает такой розовый оттенок, дышит таким удобством и довольством... Мы серьезно пожелали бы такого спо-

койного, кроткого, покорного мирозозерца-
ния всякому из людей, если бы мы могли ду-
мать, что человек, не родившийся идиотом и
не выросший под гнетом турецкого фатали-
зма, может добиться такого отрадного, совер-
шенно *постороннего* воззрения на собствен-
ную свою участь. Но, к крайнему прискор-
бию, мы должны сказать, что считаем реши-
тельно невозможным вдолбить такое воззре-
ние русскому юношеству и потому вовсе не
считаем нужным обманывать его восточны-
ми метафорами относительно призвания,
судьбы, обязанностей, особых для каждого че-
ловека, и т. п. Полагаем, что и г-жа *Наставни-
ца* напрасно будет трудиться, если захочет
свои понятия о врожденности частных обя-
занностей передать своим ученикам. Соб-
ственная рубашка ближе к телу каждого из
нас, и теперь уж и пятилетнего ребенка труд-
но надуть уверениями, что цель его существо-
вания заключается не в нем самом, а в чем-то
вне его, определенном ему еще до его рожде-
ния. А г-жа *Наставница* хочет уверить в этом
десятилетних!..

Только особенной склонностью Наставни-

цы к восточным понятиям может быть объяснено то обстоятельство, что почти половина первой книжки «Школы» занята «Историею Иерусалима» и «Письмами из Иерусалима». Не удивительно было бы, если бы г-жа *Наставница* подробно рассказала детям христианское значение священного города. Но крайне странно давать детям краткое обозрение всей истории Иерусалима, с гергесеями, иевусями, сирянами, вавилонянами и другими народами, один за другим воевавшими этот город; странно в истории Иерусалима вдавливать десятилетним ученикам имена Гессия Флора, Цестия, Аль-Гакема и т. д. Еще страннее видеть, что, например, упомянув о том, что Иерусалим существовал еще при Аврааме, автор статьи, назначенной для десятилетних читателей, делает цитату: Josephus Flavius, Archeologia judaica,[1] I, 1012. Мы понимаем, что такие вещи может делать какой-нибудь г. Ведров,{3} желающий во что бы то ни стало озадачить своих *взрослых* читателей; но к чему же подниматься на такие штуки, когда пишешь для детей? Очевидно, что автор статьи проникнут основным взглядом

издательницы «Школы»: дети, дескать, и существуют с тою целию, чтобы изучать произведения старших и изумляться их глубокой учености...

Чтобы дать понятие о «Письмах из Иерусалима», выпишем из них первые строки первого письма:

*Иерусалим, 1/13 сентября 1857 года
Благодарю моего Спасителя! Я снова в
Иерусалиме!*

На пароходе все спали, и я спала. Было около двенадцати часов по полуночи, когда я проснулась и увидела в окошечко каюты мелькающие огни. Я вскочила и побежала на палубу: тут узнала я, что огни виднеются в Яффе и что пароход скоро подойдет к берегу. В самом деле, через четверть часа мы остановились. Я стала всматриваться, чтобы различить в глубоком мраке знакомые мне строения Яффы, и осталась на палубе до утра. О, с каким восторгом обняла я тогда берег святой земли, близкий, родственник душе моей! Я только и могла повторять: «Слава тебе, боже! Слава тебе, боже! Слава тебе, боже!» Собрал свои

вещи, я съехала на берег с первым подъехавшим каюком. На берегу я стала на колени и жадно и с благоговением целовала землю. Это было в воскресенье, 11-го мая... и т. д. («Школа», вып. 1, стр. 30).

Издательница «Школы» полагает, по всей вероятности, что подобные сведения могут способствовать детям угадать их природное призвание. Оно так и выйдет, конечно, если *призвание* (иначе – *обязанность*) детей состоит в том, чтобы быть покорными и внимательными слушателями всего, что вздумают сказать взрослые. Но если сообразить несколько призвание детей с потребностями их собственной природы, то мы никак не можем понять, зачем было бы полезно им знать прекрасные чувствования госпожи, с таким неумеренным азартом рассказывающей в письме от 1-го сентября о том, что она чувствовала в воскресенье 11-го мая. Мы решительно не можем придумать, какую надобность имеют дети в том сведении, что в это достопамятное воскресенье на пароходе все спали, и она спала, а потом проснулась, вы-

шла на берег и жадно целовала землю. Но издательница «Школы» нарочно, вероятно, попустила этим письмам украсить ее книжку, с целью практически приучить ими детей к терпению и покорности.

За «Письмами» следует статья «Сельские хозяева», в начале которой объясняется, что «деятельные и просвещенные владельцы села Петровского, Алексей Иванович и жена его Анна Андреевна, завели у себя школу для образования детей своих соседей». Это очень похвально. Чему же поучают детей своих соседей деятельные и просвещенные Алексей Иванович и Анна Андреевна? А вот чему-с. Они сообщают детям, что «благодаря стараниям людей опытных в деле сельского хозяйства разведено в России, в некоторых питомниках (в пензенском, воронежском, орловском, вольском и одесском), очень порядочное число разных сортов фруктовых деревьев, а именно: яблонь – до 308 разных сортов, груш – до 185, вишен – до 44, слив – до 71, абрикосов – до 26, персиков – до 24, черешен – до 49; в числе плодоносных кустарников: винограда – до 47 сортов, крыжовника – до 20;

в числе огородных растений: гороха – до 36, бобов – до 34, капусты – до 44, репы – до 13, свеклы – до 5, свекловицы – до 5» и т. д., – еще двенадцать растений... Читатель, само собой разумеется, не верит, чтоб деятельный и просвещенный Алексей Иванович и жена его Анна Андреевна в самом деле пичкали такими сведениями детей своих соседей. Но мы заверяем вас, читатель, честным своим словом, что все это не выдуманно нами, а напечатано на 61–62 стр. «Школы». Издательница полагает, наверное, что сведения эти необходимы десятилетним детям для того, чтобы они могли угадать свое призвание.

После «Сельских хозяев» идут «Статьи без заглавия». Они имеют в виду объяснить детям первые начала политической экономии, разумеется с точки зрения г-жи *Наставницы*. Начинаются они следующим образом: «Ученики ходят взад и вперед по классной комнате. При малейшем шорохе на лестнице они останавливаются и прислушиваются». Это значит – шалят дети и смертельно боятся, чтобы учитель не застал их. Похвальные отношения между учителем и учениками!

Впрочем, ученики очень милые дети; видно, что они росли под влиянием г-жи *Наставницы*. Когда учитель входит, они его спрашивают: «Зачем на нашем расписании уроков, вместо названия науки, поставили точки? Что это значит?» Учитель отвечает: «Это значит, что иногда хорошо молчать». Ответ очень логический и очень легкий для учителя, хотя и не совсем удовлетворительный для детского любопытства. Но идеальные дети, представленные в «Статьях без заглавия», действительно принимаются очень усердно молчать: что же им больше делать, когда учитель отвечает на их вопросы словом: молчать!

Впрочем, учитель не только просто заставляет детей молчать, но и приводит их к тому разумными примерами. Он рассказывает им истории, в которых, между прочим, два брата разговаривают так:

«— Антоний, — сказал однажды Степан, — мне бы очень хотелось знать, с какою целью бог наделил Иванова таким огромным богатством, а нам послал горькую бедность?»

— Степан, — отвечал Антоний, — этих вопро-

сов мы себе задавать не должны. Бог знает, что делает, – этого должно быть для нас достаточно» (стр. 79).

Кроме этих статей, в первом выпуске «Школы» помещено «Письмо старого русского человека к издательнице». В письме этом старый русский человек восстает, *comme de raison*[2] (скажем, в пику ему, по-французски), против французского воспитания, против недостатка в русских патриотизма, против роскоши, нелюбви к чтению и т. д., все как следует. Затем он рассказывает, как он рассуждал однажды с несколькими детьми, от 8 до 10 лет, и проповедывал им, между прочим, об обязанностях супруга и отца. Немножко, может быть, рано для осьмилетних мальчиков; но что до этого за дело старому русскому человеку? Притом же он говорил только о том, каким мужем и отцом *не должно* быть. Он говорил:

У него (человека необразованного) самые дикие понятия о священнейших обязанностях: если у него дети, он не понимает, что значит их воспитывать, потому что сам не воспитан, а

если его дети помещены где-нибудь на казенный счет, о! тогда он совершенно спокоен и думает, что ему о них больше и заботиться нечего; если он человек небогатый, то у жены его, может быть, нет ни чулок, ни рубашек, но зато, наверно, есть несколько шляпок и бархатных мантилий; и в этом хозяйстве, где недостает денег на покупку хороших книг, их есть всегда вдоволь для того, чтобы роскошно праздновать все именины, и т. д. (стр. 114).

Ясно, что и «старый русский человек» глубоко проникнут взглядом г-жи *Наставницы*: цель существования на свете детей – та, чтобы покорно выслушивать всякую чепуху, какую вздумают городить им взрослые.

Эти-то статьи и читаются в школе г-жи *Наставницы* «вслух одним из учеников под руководством наставника или самим наставником». Не без назидания проводят время ученики в школе г-жи *Наставницы*!..

Сноски

1

Иосиф Флавий, «Иудейские древности» (лат.). – *Ред.*

[^^^]

2

Как и следовало ожидать (*франц.*) – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Имеется в виду следующий эпиграф к статье известного врача и педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни»:

«– К чему вы готовите вашего сына? – кто-то спросил меня.

– Быть человеком, – ответил я.

– Разве вы не знаете, – сказал спросивший, – что людей, собственно, нет на свете; это одно отвлечение, вовсе ненужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

Правда это или нет?» (Н. И. Пирогов. Собрание литературных статей. Одесса, 1858, стр. 3).
О Пирогове см. также статью Добролюбова «О значении авторитета в воспитании (Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова)» в т. 1 наст. изд.

2

Речь идет о сочинении О. Ф. Миллера «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных» (СПб., 1858). См. далее рецензию Добролюбова на эту книгу.

[^^^]

3

См. рецензию Добролюбова на книгу В. М. Ведрова «Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз» в т. 2 наст. изд.

[^^^]

Вместо начала абзаца «За «Письмами» следует ... Алексей Иванович и Анна Андреевна?» в корректуре и в части тиража «Современника» дан другой текст: «За письмами из Иерусалима следует статья «Сельские хозяева». В начале этой статьи объясняется, что «деятельные и просвещенные владельцы села Покровского, Алексей Иванович и жена его Анна Андреевна, завели у себя школу для образования детей своих соседей». В школе этой занимались изучением разных наук: изучали в ней – славянский язык, священную историю и арифметику. Но, не довольствуясь этим, «раз Алексей Иванович объявил, что намерен вести преподавание естественной истории, и то на открытом воздухе, между птичником и оранжереей». Читатели видят, что намерения «деятельного и просвещенного Алексея Ивановича» были весьма похвальны. В самом деле, что может быть лучше для детей, как не изучение естественных наук, – не книжным образом, а практически, наглядно, на открытом воздухе, с живыми наблюдениями и опыта-

ми? Читатель готов подумать, что статья «Сельские хозяева» истинно полезна для детского чтения и составляет интересные страницы в «Школе». Но, прочитав самую статью, вы увидите, что и на этот раз ошиблись. Как вы полагаете, чему поучают детей на открытом воздухе, между птичником и оранжереей, деятельные и просвещенные Алексей Иванович и Анна Андреевна?» (ИРЛИ).

[^^^]

[^^^]